

М.М. Константиновский

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ПО ГЛ. 53 ГК РФ И МЕЖДУНАРОДНАЯ МОДЕЛЬ ТРАСТА

Аннотация. В статье исследуется опыт регулирования отношений, связанных с доверительным управлением имуществом.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, траст, квази-траст, законодательство, собственность.

Конец XX в. можно охарактеризовать возрождением интереса к трасту среди сообществ юристов ученых и практиков, причем в именно в гражданско-правовых юрисдикциях¹. Возможности траста как средства управления активами повлияли на многие правовые порядки, что явилось результатом попыток, удачных и неудачных, интегрировать траст в национальные правовые системы, никогда ранее не знавшие фундаментальных оснований траста, уходящих корнями в феодальные отношения английского средневековья. Таким образом, рецепция траста состоялась с разной степенью проникновения и удачи в правовые системы не только смешанных юрисдикций, таких как: Шотландия, ЮАР, Луизиана (США), Квебек (Канада), Израиль, но и чисто гражданско-правовых юрисдикций, например: Франция, Бельгия, Нидерланды, Италия, Япония².

Не обошла «мода» на траст и Россию, молодая и неустойчивая правовая система которой дважды выдержала попытку рецепции траста. Первый раз в 1992-1993 гг. в связи с несколькими Указами Президента РФ, и второй раз в 1996 г. в связи с введением в действие части второй Гражданского кодекса³. Вольно или невольно, но предшествующие Гражданскому Кодексу РФ источники права (см. ниже) вполне удачно рецептировали траст в российское законодательство. Основное начало было положено Указом Президента РФ 1992 г.,⁴ где определенным государственным органам — держателям пакетов акций гос. предприятий, была дана рекомендация передавать эти акции в траст частным лицам. Далее, принят «хре-

стоматийный» Указ Президента РФ о трасте⁵, первый пункт которого так и указывал: «Ввести в гражданское законодательство Российской Федерации институт доверительной собственности (траст)». Содержание Указа вполне четко и недвусмысленно вводило траст в правовую систему, при этом правовое регулирование данного института было на весьма высоком правовом уровне относительно понимания данного института в странах общего права, что, по мнению М. Лупоя было, обусловлено систематическим англо-американским влиянием⁶. Никогда ранее российское право не знало доверительного управления. Фидуциарные отношения не «встраивались» в патриархальное устройство российской правовой системы. Указ предусматривал срочный переход права собственности на передаваемое в траст имущество, а также фидуциарные отношения между учредителем траста и доверительным управляющим⁷. Такая модель сама по себе была революционно необычной для российского права. Предусматривалось, что действие Указа до введения в действие Гражданского кодекса РФ распространяется только на акции приватизированных государственных предприятий⁸.

В часть вторую Гражданского кодекса РФ законодатель включил гл. 53 «Доверительное управление имуществом», которая, казалось бы, должна была уточнить и оформить доктринальную идею Указа Президента о

¹ См. напр.: Mens H.L. van, *The Trust, Bridge or Abyss between Common and Civil Law Jurisdictions?* Deventer, Kluwer 1992.

² Подробнее см.: Дождев Д.В. *Международная модель траста и унитарная концепция права собственности* // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О.А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 251-286.

³ Гражданский кодекс РФ (ч. 2) № 14-ФЗ от 26 января 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁴ Указ Президента РФ от 01.07.1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 1. Ст. 3.

⁵ Указ Президента РФ от 24.12.1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. Ст. 6.

⁶ Lupoi M. *Trusts: A comparative study*. Cambridge University Press. 2000. P. 311-312.

⁷ Далеко не все страны континентального права, принявшие в той или иной форме акты о доверительной собственности, «решились» на передачу статуса собственника доверительному управляющему. См.: Honoré T. *On Fitting Trusts into Civil Law Jurisdictions* // <http://users.ox.ac.uk/~alls0079/preview.htm>

⁸ Вопрос: утратил ли силу Указ после вступления в действие части второй ГК РФ, остаётся открытым, хотя некоторые авторы вполне логично обосновывают, что Указ утратил силу, например В.В. Чубаров: см. Отв. ред. Садиков О.Н. *Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (ч. 2) (постатейный)*. Изд. 5-е. М.: «Инфра-М», 2006. С. 743-744.

трасте, выделив данному институту собственное место в системе вещных прав в гражданском праве РФ. Однако, этого не произошло. Доверительное управление как институт гражданского права предстал в виде сугубо обязательственного отношения, вытекающего из соглашения сторон. Доверительное управление не предоставляет управляющему никаких вещных прав по отношению к переданному имуществу. Данное обстоятельство, наряду с другими, составляет главное отличие современного российского доверительного управления от траста по Указу Президента РФ от 1993 г. Фактически, Гражданский кодекс ввёл иной институт права, хотя и схожий по смыслу с трастом.

Тенденция сближения континентального и общего права вкупе с работой по унификации международного права привели к необходимости урегулирования коллизионных вопросов, связанных с трастом. В итоге, в 1980 г. на 14-й Гагской конференции по международному частному праву было принято решение о разработке конвенции, регулирующей коллизионные вопросы трастов. Гагская Конвенция о праве, применимом к трастам и об их признании⁹ (далее по тексту «Конвенция») была подписана 1-го июля 1985 г. Главной особенностью и отличием Конвенции от других документов международного частного права состоит в том, что её действие не ограничивается только определением применимого к соответствующим правоотношениям права. Конвенция предусматривает порядок «распознавания» траста в правоотношениях, которые имеют место в юрисдикциях, не имеющих траста — преимущественно в странах континентального права. В пояснительном к Конвенции докладе Алфред ванн Овербек указал, что Конвенция служит основанием для «возведения мостов» между странами континентального и общего права¹⁰. Особенное значение Конвенции также состоит и в том, что с её подписанием международное право получило институт траста, который ранее был институтом исключительно правовых систем стран общего права. Возникла т.н. международная модель траста, которая, несомненно, отличается от своего источника — английского траста.

Мы не остановимся на анализе соответствия международной модели траста, созданной Конвенцией, и настоящего английского траста, что, несомненно, было бы интересно. Здесь без того очевидны серьезные противоречия между этими двумя институтами, наличие которых уже даёт основательный повод сомневаться в их тождествен-

ности. По мнению М. Лупоя, Конвенция не имеет целью ограничить англо-американский траст от «аналогов» в иных юрисдикциях; скорее целью Конвенции является дать со взглядом на англо-американский траст такое определение траста, которое будет дано с использованием терминологии частноправовых институтов¹¹. Ниже мы предпримем попытку «применить» Конвенцию к российскому институту доверительного управления имуществом по гл. 53 ГК РФ и, в конечном итоге, определим: есть ли в России траст в его «международном» понимании.

В статье 2 Конвенции даётся описание «международного траста»:

«Для целей настоящей Конвенции, понятие «траст» относится к правоотношениям, создаваемым лицом, учредителем, при жизни или на случай смерти, когда имущество было передано под контроль доверительного собственника для выгоды бенефициария или со специальной целью.

Траст имеет следующие характеристики -

a) имущество образует отдельный фонд и не является частью собственного имущества доверительного собственника;

b) титульным владельцем имущества, переданного в траст, является доверительный собственник или иное лицо, представляющее доверительного собственника;

c) доверительный собственник имеет полномочия и должен, в отношении того, за что подотчетен, управлять, использовать или распоряжаться имуществом в соответствии с условиями траста и особыми обязанностями, возложенными на него законом.

Сохранение учредителем определенных прав и полномочий, а также тот факт, что доверительный собственник может самостоятельно иметь права бенефициария, не обязательно несовместимы с существованием траста¹².

Итак, Конвенцией не дано понятие траста. Даны лишь его общие характеристики, которые представляют собой настолько широкие рамки дефиниции, что может быть понято весьма широко. Такой подход, по мнению М. Лупоя, «открывает» двери во многие частноправовые системы, с одной стороны, но используемая терминология как нельзя далека от той, что используется в странах происхождения траста, с другой стороны¹³.

С первого взгляда неясным представляется вопрос о правовом статусе имущества, которое передается в траст с точки зрения Конвенции. Термин «передано под контроль» нетипичен для российской юридической терминологии и сразу не даёт представление ни о действии, ни о праве, на котором имущество «передается под кон-

⁹ Convention on the law applicable to trusts and on their recognition. №30. Concluded 1 July 1985. Entered into force 1 January 1992. (Россия не является участником Конвенции).

¹⁰ Overbeck A.E. von Explanatory report // Proceedings of the Fifteenth Session of the Hague Conference on Private International Law. 1984. Book II. Trusts – Applicable Law and Recognition. Hague. 1985. P. 370.

¹¹ Лупой М. Указ. соч. С. 331.

¹² Пер. с англ. автора.

¹³ Лупой М. Указ. соч. С. 333-334.

троль» доверительному собственнику. В этой связи, следуя буквальному толкованию текста Конвенции, можно предположить, что «передачей под контроль» *de facto* является «передача во владение, в держание» в терминологии континентальной системы права. Подпункт *b)* ст. 2 Конвенции указывает, что «титულным владельцем имущества, переданного в траст, является доверительный собственник...». Подобная формулировка также необычна для континентальной правовой системы, которая «не знает» расщепления права собственности на *legal title* и *equitable title*, являющегося обязательным для английского траста. Данные дефиниции имеют корни в разделении английского права на общее право (*common law*) и право справедливости (*equity*). Последнее является весьма специфическим и непонятным для правопорядков континентальных правовых систем источником права. Поэтому, само понятие «титулный владелец», воспринимаемое общим правом как «неполный (номинальный) владелец», будет однозначно воспринято континентальным правом как «лицо, на которого записано или за кем числится имущество». В этой связи, понятие «титулный владелец» в континентальной правовой системе может быть понято с наиболее близким смыслом: как «лицо, являющееся собственником», поскольку иных конструкций, за редким исключением¹⁴, не дано. Наконец, подп. *c)* ст. 2 Конвенции даёт третий элемент правового статуса переданного в траст имущества: «доверительный собственник имеет полномочия и должен... управлять, использовать или распоряжаться имуществом...».

Некоторые авторы не усматривают в тексте Конвенции прямого указания на то, что имущество траста передается доверительному собственнику в собственность¹⁵. Формально это так. Конвенция тщательно избегает термина «собственность». С другой стороны, выявленный выше набор элементов (передача под контроль, титул, управление-пользование-распоряжение) вполне может быть воспринят многими континентальными правопорядками как передача в собственность. Такой подход, на мой взгляд, обеспечивает правопорядку, которому неизвестен институт траста, возможность квалифицировать широкий круг правоотношений в качестве траста вне зависимости от того, имеет место факт передачи вещного права на имущество траста доверительному собственнику или нет. Более того, данный подход «...позволяет

в некоторой степени сгладить те различия между англосаксонской и континентальной системами права, которые не позволяют странам континентальной правовой системы признать траст в качестве полноценного правового института и применять его на своей территории. В частности, вполне допустимо признание вещных прав на имущество у доверительного управляющего, а обязательственных прав — у выгодоприобретателя»¹⁶. Еще один признак наличия вещного права на имущество траста у доверительного собственника содержится в абз. 1 ст. 11 Конвенции, где указано: «... признание [траста] должно иметь место, как минимум, когда переданная в траст собственность образует отдельный фонд, в связи с которым доверительный собственник может осуществлять судебное преследование и быть преследуемым в этом качестве, а также когда он может действовать в этом качестве перед нотариусом или иным официальным лицом». Фактически это означает, что доверительный собственник вправе подавать имущественные иски, что предполагает у него наличие определенного вещного права на данное имущество. Таким образом, авторы Конвенции «постарались», чтобы судья континентального права в юрисдикции, где отсутствует институт траста, решая вопрос о его (траста) признании, не слишком задумывался о том, состоялась ли передача права собственности к доверительному собственнику или нет; обладает ли доверительный собственник вещным правом на имущество траста или нет. Конвенция допускает свободу толкований в данном вопросе, что обеспечивает гибкость юридической конструкции.

Обратимся к российскому законодательству. Пунктом 1 ст. 1012 ГК РФ установлено, что для доверительного управления обязательна передача имущества от учредителя управления к доверительному управляющему. Если применить казуистический подход и понимать «передачу» как вручение, переход физического контроля на вещь, то такую передачу вполне можно сопоставить с «передачей под контроль» в соответствии с текстом ст. 2 Конвенции. Но является ли это передачей вещного права на данное имущество? Российская правовая доктрина не имеет различных подходов к данному вопросу. Доверительное управление имуществом в российском праве носит исключительно обязательственный характер¹⁷. Законода-

¹⁴ В качестве редкого примера можно привести законодательство РФ о лизинге, где в некоторых случаях предусматривается сохранение права собственности на объект лизинга за лизингодателем, а формальную запись в качестве собственника за лизингополучателем. См.: ст. 20 ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 г. № 164-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

¹⁵ Плеханов В.В. Траст в международном и гражданском праве // Российский ежегодник сравнительного права. № 1. 2007. С. 510.

¹⁶ Булыгин М.М. Договор доверительного управления имуществом в российском и зарубежном праве: монография / под ред. Коршунова Н.М. «Закон и право». М., 2006. С. 19.

¹⁷ См.: Отв. ред. Садиков О.Н. (автор – В.В. Чубаров) Указ. соч. С. 745-746; Дозорцев В.А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // Гражданский кодекс РФ (ч. 2). Комментарий / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова М., 1996. С. 529-532; Гражданское право. Т. IV / отв. ред. Суханов Е.А. М.: «Волтерс Клувер», 2008. С. 275; и др.

тель специально указал, что «передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему». Кроме того, закрытый перечень вещных прав в российском праве (*numerus clausus*) не содержит такого вещного права как «доверительная собственность». С другой стороны, буквальное толкование ст. 1020 ГК РФ даёт повод задуматься над иным выводом. Во-первых, п. 1 указанной статьи для доверительного управляющего предусматриваются полномочия собственника в отношении переданного ему имущества. Данные полномочия ограничены законом и договором доверительного управления. «Право доверительного управляющего не абсолютно» — комментирует ГК Н.И. Соловяненко¹⁸. Этому выводу соответствует запрет на извлечение собственником в свою пользу выгод и плодов из доверенного имущества. Вместе с тем, доверительный управляющий наделен правом самостоятельно защищать вверенное ему имущество — подавать виндикационные иски (см. ст. 301 ГК). Доверительному управляющему предоставлена защита владения, обычно устанавливаемая только для обладателей вещных прав, т.е. от любых лиц, включая учредителя управления и бенефициария (ст. 305 ГК). Такое право на доверенное имущество очень близко к вещному, поскольку защищается, в т.ч. вещными исками¹⁹. Есть, правда, и противоположные точки зрения. Так, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский нашли общее в защите прав доверительного управляющего и залогодержателя, обосновав право на вещный иск в обоих случаях «законодательной техникой, никак не влияющей на обязательственно-правовую природу отношений»²⁰. Более того, Федеральный арбитражный суд Уральского округа вообще не применяет указанные правовые нормы для защиты находящихся в доверительном управлении акций хозяйственных обществ, считая, что вещными исками можно защитить только права на вещи, каковыми акции не являются²¹.

Несмотря на близость позиций авторов Конвенции и гл. 53 ГК РФ по вопросу установления «почти вещного» права на имущество доверительно управления / тра-

ста, главной и определяющей причиной несоответствия конструкций является статус доверительного управляющего / доверительного собственника по отношению к данному имуществу. Как указывалось выше, подп. b) ст. 2 Конвенции установлено, что «титულным владельцем» имущества, переданного в траст, должен являться доверительный собственник. Российская модель однозначно показывает, что к доверительному управляющему не переходит право собственности ни фактически, ни формально. Более того, российское доверительное управление устанавливает принцип публичности для доверительного управляющего. В этой связи, все сделки, совершаемые доверительным управляющим, должны сопровождаться либо уведомлением другой стороны о статусе доверительного управляющего (в случае устных действий), либо специальной пометкой «Д.У.» в письменных документах. Принцип публичности исключает наличие титула собственника у доверительного управляющего.

Помимо реквизитов и основных характеристик траста, Конвенция (глава III) устанавливает порядок «распознавания» траста в тех или иных правоотношениях. Здесь необходимо сделать небольшое уточнение. Абзац 1 ст. 11 Конвенции гласит: «Траст, созданный в соответствии с правом, указанным в предыдущей Главе [«Применимое право»] должен быть квалифицирован как траст». Поскольку Российская Федерация не является участницей Конвенции, анализ коллизионных вопросов международного частного права, указанных в Конвенции, применительно к доверительному управлению по гл. 53 ГК в данном анализе представляется лишним. Если какое-либо правоотношение признаётся трастом в соответствии с Конвенцией, установлены следующие минимальные последствия такого признания, а именно: (i) переданное в траст имущество должно быть сформировано в обособленный фонд и (ii) способность доверительного собственника осуществлять судебное преследование и быть преследуемым в этом качестве, а также когда он может действовать в этом качестве официально. По сути, оба принципа относятся к одной и той же категории — к защите имущества траста. Последствия признания траста в соответствии с Конвенцией должны выражаться в определенных правовых нормах, которые предусматриваются для трастов:

- а) кредиторы доверительного собственника не должны иметь право на имущество траста;
- б) имущество траста не должно включаться в имущество доверительного собственника при его несостоятельности или банкротстве;
- в) имущество траста не должно становиться ни общим имуществом доверительного собственника и его супруга(ги), ни наследоваться после его смерти;
- д) имущество траста может быть восстановлено когда доверительный собственник при нарушении тра-

¹⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкиной. М.: «Юрайт-Издат», 2006. Т. 2. С. 973.

¹⁹ Райхер В.К. Те права, которые охраняются вещными исками (*actiones in rem*), являются вещными правами, а те права, которые охраняются личными исками (*actiones in personam*), являются обязательственными правами // Вестник гражданского права. № 4. Т. 8. 2008. С. 279.

²⁰ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. 3-е. М.: «Статут». 2001. С. 531.

²¹ См.: Рекомендации Научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа. 2007. № 1 // Консультант-плюс, 2010.

ста смешает имущество траста со своим собственным имуществом или с имуществом другого траста.

Авторы Конвенции попытались всесторонне защитить имущество траста от посягательств как кредиторов (наследников) доверительного собственника, так и его самого. В приведенных нормах очевидно прослеживается тенденция отделения личного имущества и личных обязательств доверительного собственника от обязательств и имущества траста. Очевидно, что авторы Конвенции «обошли» вопросы обособления имущества траста от имущества учредителя траста и ограничения претензий на имущество траста со стороны кредиторов учредителя траста. Смысл и толкование положений Конвенции, как уже было рассмотрено ранее, дают основания полагать, что международная модель траста допускает переход права собственности на имущество траста от учредителя к доверительному собственнику; как минимум, у него возникает определенное вещное право на доверенное имущество. Если следовать данному подходу, то распространение вышеуказанных «защитных» норм Конвенции на кредиторов учредителя траста представляется лишним. Однако, поскольку Конвенция «гибка» в вопросе перехода прав на имущества траста к доверительному собственнику, может возникнуть такая ситуация, когда трастом будет признано чисто обязательственное правоотношение с полным сохранением всех прав на имущество у учредителя траста. В этом случае, справедливо полагает В.В. Плеханов, имущество траста может служить объектом удовлетворения требований кредиторов учредителя²².

Способы защиты имущества, переданного в доверительное управление согласно гл. 53 ГК РФ, также установлены российским законодательством:

а) ст. 1018 ГК РФ установлено обязательное обособление переданного в доверительное управление имущества от имущества управляющего. Имущество, переданное в доверительное управление, отражается на отдельном балансе и по нему ведется отдельный учет; для расчетов, связанных с доверительным управлением, открывается отдельный банковский счет;

б) той же статьей наложен запрет на обращение взыскания на имущество доверительного управления со стороны кредиторов учредителя доверительного управления. При этом, данное правило отменяется при банкротстве учредителя управления;

в) п. 3 ст. 1020 ГК предусмотрено право доверительного управляющего «требовать всякого устранения нарушения его прав»;

г) ст. 1022 предусмотрена ответственность доверительного управляющего за убытки доверительного управления.

Очевидно, что позиции авторов гл. 53 ГК РФ и Конвенции по вопросам защиты имущества, переданного в доверительное управление / траст, не вполне совпадают. Обе модели предусматривают защиту имущества доверительного управления / траста на случай появления претензий кредиторов и обращения взыскания на данное имущество. Различие только в субъектах. Международная модель защищает имущество траста от претензий кредиторов доверительного собственника. Российская же модель защищает переданное в доверительное управление имущество от претензий кредиторов учредителя. При этом, российская модель допускает, хотя и в некоторых случаях, обращение взыскания на имущество управления даже со стороны кредиторов учредителя — в случае его банкротства. Такое исключено полностью в международной модели траста. Еще одним различием является отсутствие в российской модели какого-либо регулирования в отношении претензий на имущество доверительного управления со стороны кредиторов управляющего. На мой взгляд, такая позиция законодателя является следствием концептуального подхода о сохранении права собственности на имущество доверительного управления за учредителем, что исключает «преследование» данного имущества в случае отсутствия претензий к собственнику.

Отдельного анализа заслуживает вопрос о форме юридического правоотношения. Международная модель траста (ст. 3 Конвенции) предусматривает, что траст может быть создан добровольно и непременно в письменной форме. Требование о добровольности создания траста не является императивным. Статьей 20 Конвенции установлено, что любая из договаривающихся стран может распространить действие Конвенции на трасты, созданные судебными решениями. Данный подход вполне соответствует российскому законодательству о доверительном управлении. Статьей 1017 ГК РФ предусмотрена только письменная форма договора об учреждении доверительного управления. Особо регулируется в Конвенции вопрос, связанный с необходимостью регистрации траста. Статья 12 Конвенции устанавливает, что «где доверительный собственник пожелает зарегистрировать имущество траста, движимое или недвижимое, или документы о его праве на данное имущество, в случае если это не запрещено или не противоречит закону Государства, где требуется регистрация, он должен иметь возможность сделать это в пределах своих полномочий доверительного собственника или в ином порядке, когда наличие траста становится открытым». Данный подход соответствует российскому законодательству о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Статьей 1017 ГК РФ предусмотрена государственная регистрация договоров доверительного управления недвижимым имуществом. Порядок проведения государственной регистра-

²² Плеханов В.В. Указ. соч. С. 519.

ции в Российской Федерации, установленный законом²³, полностью соответствует принципам, перечисленным в ст. 12 Конвенции.

Отсутствие траста в законодательствах стран континентального права приводит к возникновению «квази-трастов», т.е. конструкций, схожих с оригинальным английским институтом, но максимально приближенных к национальным правовым традициям, правовой доктрине и законам. Так произошло и в России, где поначалу был воспринят траст по Указу Президента РФ от 1993 г., но впоследствии в Гражданском кодексе оставлена совершенно иная, слабо похожая на траст конструкция, имеющая к тому же совсем иную правовую основу — обязательственную, в отличие от вещной основы настоящего траста. Некоторые авторы, в частности В.В. Плеханов, считают, что российское доверительное управление вполне может быть квалифицировано в качестве траста согласно Конвенции²⁴. С другой стороны, приведенный анализ показывает, что российское доверительное управление не соответствует модели международного траста по следующим основаниям.

1) Статусы доверительного собственника в международном трасте и российском доверительном управлении, несмотря на их очевидные сходные характеристики (касаемо объема правомочий, вещные элементы прав по отношению к имуществу), имеют серьезные различия. Международная модель показывает, что собственником переданного в траст имущества должен «числиться» доверительный собственник. Это ничто иное как элемент публичности. Таким образом, по умолчанию, для всех третьих лиц формальным (титულным) собственником будет являться доверительный собственник — *trustee*, а не учредитель траста. Международная модель построена таким образом, что после учреждения траста его учредитель выбывает из правоотношения, по крайней мере до тех пор, пока траст не прекращен. Российское законодательство по другому «понимает» статус управляющего в доверительном управлении. Основной смысл его статуса, вытекающий из гл. 53 ГК РФ, состоит в том, что доверительный управляющий есть профессиональный участник правоотношения, имеющий исключительно обязательственные отношения с учредителем. Проче-

кларированный в ст. 1012 ГК РФ принцип публичности в доверительном управлении заранее исключает какой-либо формальный титул собственника переданного в управление имущества у управляющего. Абзац 2 п. 3 ст. 1012 ГК РФ указывает, что при отсутствии указания о действии доверительного управляющего в этом качестве доверительный управляющий обязывается перед третьими лицами лично и отвечает перед ними только принадлежащим ему имуществом.

2) Второе основание проистекает из первого и заключается в различных статусах имущества, переданного в доверительное управление / траст, а именно в концепциях его защиты от кредиторов лиц, участвующих в правоотношении. Это различие является индикатором автономности траста от влияния на него третьих лиц. Как известно, английский траст характеризуется высочайшей степенью автономности. Английский траст не может быть расторгнут, отменен или «разрушен» каким-либо образом, не говоря уже о кредиторах. Международная модель траста в некоторой степени смягчает столь необычную для континентального права конструкцию и предусматривает абсолютную защиту имущества траста от кредиторов доверительного собственника и его самого. Причем, специально указывается, что кредиторы доверительного собственника не могут обратиться с иском на имущество траста даже в случае банкротства доверительного собственника. Российская же модель доверительного управления предусматривает защиту имущества, находящегося в управлении, только от кредиторов учредителя управления и от неправомерных действий управляющего. Причем, под данное правило не попадают случаи банкротства учредителя управления.

Одной из функций Конвенции является признание правоотношений траста таковым в тех странах, где отсутствует данный правовой институт. Эффектом такого признания, по тексту Конвенции, должно быть признание законодательством страны-участника Конвенции предусмотренных ею последствий траста. Данные последствия изложены выше и на наш взгляд, российское законодательство не имеет правовых механизмов, способных «встроить» доверительное управление имуществом по гл. 53 ГК РФ в конструкцию международного траста, разработанную Конвенцией.

Библиографический список:

1. Convention on the law applicable to trusts and on their recognition. № 30. Concluded 1 July 1985. Entered into force 1 January 1992.
2. Гражданский кодекс РФ (ч. 2) № 14-ФЗ от 26 января 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

²³ Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» № 122-ФЗ от 21 июля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

²⁴ Плеханов В.В. Указ. соч. С. 524-525.

3. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 г. № 164-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.
4. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» № 122-ФЗ от 21 июля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.
5. Указ Президента РФ от 01.07.1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 1. Ст. 3.
6. Указ Президента РФ от 24.12.1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1994. № 1. Ст. 6.
7. Рекомендации Научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа. 2007. № 1 // Консультант-плюс, 2010.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. 3-е. М.: «Статут». 2001. С. 531.
9. Булыгин М.М. Договор доверительного управления имуществом в российском и зарубежном праве: монография / Под ред. Н.М. Коршунова. М.: «Закон и право», 2006. С. 19.
10. Дождев Д.В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О.А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 251-286.
11. Дозорцев В.А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // Гражданский кодекс РФ (ч. 2) Комментарии / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. Гражданское право. Т. IV / отв. ред. Е.А. Суханов М.: «Волтерс Клувер», 2008. С. 275.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкиной. М.: «Юрайт-Издат», 2006. Т. 2.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (ч 2) (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садиков. Изд. 5-е. М.: «Инфра-М», 2006. С. 743-744.
14. Плеханов В.В. Траст в международном и гражданском праве // Российский ежегодник сравнительного права. № 1. 2007.
15. Райхер В.К. Те права, которые охраняются вещными исками (actiones in rem), являются вещными правами, а те права, которые охраняются личными исками (actiones in personam), являются обязательственными правами // Вестник гражданского права. № 4. 2008. Т. 8. С. 279.
16. Honoré T. On Fitting Trusts into Civil Law Jurisdictions // <http://users.ox.ac.uk/~alls0079/preview.htm>
17. Lupoi M. Trusts: A comparative study. Cambridge University Press, 2000.
18. Mens H.L. van. The Trust, Bridge or Abyss between Common and Civil Law Jurisdictions? Deventer, Kluwer 1992.
19. Overbeck von A.E. Explanatory report // Proceedings of the Fifteenth Session of the Hague Conference on Private International Law. 1984. Book II. Trusts — Applicable Law and Recognition. Hague. 1985.

References (transliteration):

1. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya. Izd. 3-e. M.: «Statut». 2001. S. 531.
2. Bulygin M.M. Dogovor doveritel'nogo upravleniya imushchestvom v rossiyskom i zarubezhnom prave: monografiya / Pod red. Korshunova N.M. M.: «Zakon i pravo». 2006. S. 19.
3. Dozhdev D.V. Mezhdunarodnaya model' trasta i unitarnaya kontseptsiya prava sobstvennosti // Chelovek i ego vremya: Zhizn' i rabota Avgusta Rubanova / Sost. i отв. red. O.A. Khazova. M.: Volters Kluver, 2006. S. 251-286.
4. Dozortsev V.A. Doveritel'noe upravlenie imushchestvom (gl. 53) // Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' vtoraya. Kommentarii / Pod red. O.M. Kozyr', A.L. Makovskogo, S.A. Khokhlova M. 1996. Grazhdanskoe pravo. Tom IV / отв. red. Sukhanov E.A. M. «Volters Kluver». 2008. S. 275.
5. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / Pod red. Abovoy T.E., Kabalkinoy A.Yu. T. 2. M.: «Yurayt-Izdat», 2006.
6. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti vtoroy (postateynyy) / Отв. ред. Sadikov O.N. Изд. 5-е. М.: «Инфра-М». 2006. С. 743-744.
7. Plekhanov V.V. Trast v mezhdunarodnom i grazhdanskom prave // Rossiyskiy ezhegodnik sravnitel'nogo prava. № 1. 2007.
8. Raykher V.K. Te prava, kotorye okhranyayutsya veshchnymi iskami (actiones in rem), yavlyayutsya veshchnymi pravami, a te prava, kotorye okhranyayutsya lichnymi iskami (actiones in personam), yavlyayutsya obyazatel'stvennymi pravami // Vestnik grazhdanskogo prava. № 4. T. 8. 2008. S. 279.
9. Honoré T. On Fitting Trusts into Civil Law Jurisdictions // <http://users.ox.ac.uk/~alls0079/preview.htm>
10. Lupoi M. Trusts: A comparative study. Cambridge University Press. 2000.
11. Mens H.L. van. The Trust, Bridge or Abyss between Common and Civil Law Jurisdictions? Deventer, Kluwer 1992.
12. Overbeck von A.E. Explanatory report // Proceedings of the Fifteenth Session of the Hague Conference on Private International Law. 1984. Book II. Trusts — Applicable Law and Recognition. Hague. 1985.